

Кузнецов, А.И. О взаимосвязи пьянства и насилия в российской деревне 1920-ых гг. (по материалам Сибири). / А.И. Кузнецов // XXI век: актуальные проблемы исторической науки: Материалы междунар. науч. конф., посвящ. 70-летию ист.фак. БГУ. Минск, 15-16 апр. 2004 г. / редкол.: В.Н. Сидорцов (отв.ред.) и др. – Мн.: БГУ, 2004. – С. 272-274.

А. И. КУЗНЕЦОВ

Российская Федерация, г. Новосибирск

О ВЗАИМОСВЯЗИ ПЬЯНСТВА И НАСИЛИЯ В РОССИЙСКОЙ ДЕРЕВНЕ 1920-х гг. (ПО МАТЕРИАЛАМ СИБИРИ)

При изучении истории повседневной жизни российского крестьянства значительный интерес представляет феномен девиантного поведения в крестьянской среде в переломные периоды отечественной истории. К таким периодам по праву относятся 1920-е гг. В это время процесс деформации крестьянских традиций стал мощным катализатором распространения в деревне различных форм девиантного поведения.

В первое десятилетие советской власти серьезным социальным бедствием стало хулиганство, которое приобрело огромные масштабы. Представители правоохранительных органов постоянно подчеркивали, что «вино и самогон есть несомненные спутники хулиганства», «подкладка всех обычных хулиганских действий». Распространение хулиганства было одной из составляющих общей тенденции роста крайних форм отклоняющегося поведения, наблюдавшегося в послереволюционное десятилетие. Судя по материалам со-

272

вещаний по борьбе с преступностью и по отчетам прокуроров различного уровня, наблюдался значительный рост преступлений против личности (увечья, убийства, изнасилования). Рост числа преступлений против личности в сельских местностях всех регионов серьезно обеспокоил правоведов, воспринимавших данный процесс как следствие распространения самогонварения и алкоголизма. Подобные однозначные трактовки воспроизводятся и некоторыми современными авторами [4, 21–22].

Однако, характеризуя причины всплеска преступности и насилия в нэповской деревне, следует обратить внимание на тот факт, что и в дореволюционный период пьянство являлось одним из важнейших криминогенных факторов в деревне. В то же время мы в принципе не согласны с распространенным мнением о заметном увеличении потребления спиртных напитков здесь при нэпе. Обращение к данным анкетных обследований алкоголизма, проводившихся в Сибири статистическими органами в 20-е гг., дают нам основание предполагать, что в первой половине 20-х гг. сельский уровень потребления алкоголя был ниже довоенного, к 1927 г. сравнялся с ним, а в 1928 г. уменьшился в два раза. В результате возникает вопрос: можно ли говорить о том, что всплеск хулиганства и насилия в послереволюционной деревне объясняется лишь пьянством и ростом потребления алкоголя?

Как нам представляется, рост наиболее уродливых последствий пьянства в рассматриваемый период объяснялся не только и не столько ростом потребления алкоголя, но и совокупностью более глубинных факторов.

Как известно, алкоголь лишь высвобождает из подсознания индивида уже сформировавшиеся поведенческие установки, в том числе имеющие деструктивный характер. Мы считаем, что предпосылки количественного и качественного роста хулиганства и насилия коренились в долговременных деструктивных тенденциях (связанных с дезорганизацией общинной и семейной жизни), которые были резко усилены социально-психологическими последствиями революции и Гражданской войны.

Наиболее ярко эти последствия проявились в трансформации социокультурного содержания такого распространенного вида девиантного поведения (прежде всего характерного для молодежи), как групповые драки. В дореволюционной деревне сельские драки являлись сложным многофункциональным культурным феноменом. По мнению Т. Б. Щепанской, деревенские драки являлись важным инструментом удаления избыточной части молодежи предбрачного возраста из прокреативной сферы [7, 156]. Т. А. Агапкина и А. Л. Плотникова считают, что праздничная драка являлась ритуальным поединком, была связана с символическим восприятием борьбы двух начал, с идеей защиты «своего пространства». В соответствии с комплексным подходом М. В. Вадейши, драка представляла собой институтированный способ разрешения конфликтов между деревнями или внутридеревенскими группами; воспринималась как естественное для праздника событие; не означала взаимного плохого отношения; давала возможность показать себя в своей группе и перед пришельцами; способствовала снятию трудового напряжения; всегда воспринималась как внутреннее дело, не предполагавшее вмешательство властей [3, 113–114]. И что самое важное, драка не предполагала обязательного алкогольного опьянения [2, 132], хотя, как отмечает Ж. В. Кормина, в крестьянской культуре пьянство репрезентировалось как мужская культурная практика, выступая как форма престижного поведения мужчин [6, 237].

В послереволюционный период наблюдается трансформация социокультурного смысла и содержания деревенской праздничной драки. Большинство драк теперь либо сопровождалось массовым пьянством, либо было следствием пьянства. Кроме того, драки в значительной степени утратили свое обрядовое значение. Как нам представляется, в такой трансформации рельефно проявились характерные для послереволюционной эпохи деструктивные импульсы: всеобщее озлобление, черно-белое видение мира в рамках со-

циально-психологической установки «мы» и «они». Интенция ненависти, накопленной за год Гражданской войны и военного коммунизма, достаточно легко инвертировалась с «чужих» на «своих». Как удачно заметил один из юристов того времени, «насколько в процессе трудовой работы крестьяне миролюбивы... настолько они в состоянии опьянения враги».

Следует особо подчеркнуть, что массовые формы девиантного поведения в значительной мере коренились в той социальной действительности, которая имела место в сибирской деревне в рассматриваемый период.

Для адекватной интерпретации этой взаимосвязи определенную ценность представляют методологические подходы и суждения, сформулированные рядом исследователей в рамках изучения проявления социальной дезорганизации применительно к более позднему периоду (30–80-е гг.).

Так, М. А. Безнин и Т. М. Димони относят пьянство и хулиганство в крестьянской среде к «тупиковым» формам протеста [1, 16]. В соответствии с подходом, предложенным В. А. Козловым, такие формы социальной дезорганизации, как коллективные драки, хулиганство и массовые беспорядки (особенно сопровождавшиеся столкновением с милицией), являлись специфическим выражением отсутствия у населения легальных каналов для демонстрации власти недовольства существующим положением. При том, подчеркивает В. А. Козлов, следует интересоваться не только их ближайшими причинами (которые на практике оказываются лишь поводом для столкновения), а «прежде всего той социальной напряженностью, из которой вырастают как групповые драки, так и массовые беспорядки» [5, 16].

Определенные попытки выявить корни этой напряженности прослеживаются и в некоторых документах 20-х гг. Так, например, на совещании по борьбе с преступностью при Сибирской краевой прокуратуре в мае 1926 г. отмечалось, что пьянство «не является

непосредственной причиной» хулиганства, причины которого «кроются в бытовых и экономических противоречиях деревни», но пьянство – «это та стихия, в которой все эти противоречия так или иначе выходят наружу».

Названные тенденции воплотились не только в негативных поведенческих практиках внутри крестьянского социума, но и нашли рельефное отражение в возникающих во время массового пьянства конфликтах между крестьянами и активом, а также между крестьянами и представителями правопорядка. В столкновениях с милицией особенно рельефно проявились послереволюционная анархизация поведения масс, традиционное стремление деревни к автономности, самодостаточности, разрешению внутريدеревенских конфликтов без участия представителей государственной власти.

1. *Безнин М. А., Димони Т. М.* Крестьянство и власть в России в конце 1930-х–1950-е годы // Менталитет и аграрное развитие России (XIX–XX вв.). М., 1996.
2. *Бердинских И.* Крестьянская цивилизация в России. М., 2001.
3. *Вадейша М. В.* Деревенский праздник: распределение ролей // Мифология и повседневность. Гендерный подход в антропологических дисциплинах: Материалы науч. конф. 19–21 февр. 2001 г. СПб., 2001.
4. *Валиев Г. Х.* Социальные аномалии в повседневной жизнедеятельности населения Сибири в 1920-е гг.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 2001.
5. *Козлов В. А.* Массовые беспорядки в СССР при Хрущеве и Брежнев (1953–начало 1980-х гг.). Новосибирск, 1999.
6. *Кормина Ж. В.* Алкоголь, армия и нечистая сила // Мифология и повседневность. Гендерный подход в антропологических дисциплинах: Материалы науч. конф. 19–21 февр. 2001 г. СПб., 2001.
7. *Щепанская Т. Б.* Зоны насилия (по материалам русской сельской и современных субкультурных традиций) // Антропология насилия. СПб., 2001.